

Восставший

Эта статья была написана к юбилею, а не к поминкам. 4 декабря. Господь увёл Василия Ивановича не только из литературы. Но то, что в нашей культуре, нашей общественной жизни был такой крестьянский заступник, останется до тех пор, пока будет жить Россия. Дело не только в благодарной памяти - дело в изменении общественного сознания, которое произошло прежде всего благодаря Василию Ивановичу Белову. Всю советскую власть крестьян считали людьми отсталыми, косными, деревенскую жизнь - досадным атавизмом, который сам собой отомрет по мере приближения к светлому будущему всего человечества. После «Привычного дела» и «Плотницких рассказов», после «Повести об одной деревне» и эпопеи «Час шестой», после «Лада» и публицистики Белова это говорить уже невозможно.

Двадцатый век определил в его судьбе очень многое. И он крепко, по-деревенски, ухватил этот век в своих произведениях. Нет, для Василия Белова это не был «век-волкодав», но трагедию жизни в нём он ощущал вполне и в полную художественную силу вложил её в своих героях. И всё чаще кажется, что в утешение нынешнему русскому народу писали они - «деревенщики».

Сейчас, когда Господь проявил свою милость к Василию Ивановичу Белову и увел его из литературы, нам все равно очень важно знать - он рядом. И не стоит делать из него всем удобную «нейтральную фигуру» - не был он ни тишайшим, ни «объективным», ни теплохладным. Он, узнавший беду безотцовщины и умеющий голодать; он, вкусиивший не молока, но духа победы его народа в Большой и Великой Отечественной войне; он, научаемый дубинкой соцреализма быть писателем и с каждым ударом её становящийся смелее и сильнее - он, Василий Белов, писатель и русский мужик, - из породы восставших. Восставший из беды и слез, чистенькой бедности детства и рабочей юности для того большого литературного труда, к которому писатель относился с крестьянской ответственностью и который по сию пору принято как-то чуть преуменьшать, сомневаться в нем

и искать нечто компрометирующее в идеологии его творчества.

Безусловно, литературные хозяйчики XXI века гораздо беспощаднее, чем самые свирепые советские чинуши, которых можно было победить, обмануть, напугать или убедить. Нынешние, они ничего не боятся и гнут вечную свою линию: вот если речь идет о всяческих оппозиционностях «реализма и модернизма», о всяческих формальных поисках хоть 20-х годов XX века или нынешних, то эту самую «оппозиционность литературы» будут всячески возводить в перл творения. А вот литературу, которую предъявили нам Василий Белов и Валентин Распутин, Юрий Галкин и Виктор Потанин, Виктор Лихоносов и Владимир Личутин, Борис Агеев и Вера Галактионова, Федор Абрамов и Виктор Астафьев, Василий Шукшин и Александр Яшин, - эту литературу превратить в оппозиционную России не удалось, хотя и пытались. Критики доказывали, что Белова и Распутина только потому печатают в других странах и землях, что они-де критикуют «советскую жизнь», показывая «ужасы деревни». Как тут не вспомнить про «гордый взор иноплеменный», который не поймет и не заметит того, что «сквозит и тайно светит» в красоте все той же русской деревни и ее наследников-крестьян.

В лучшем случае о представителях литературы почвенной принято говорить весьма сдержанно, если только не Юрий Любимов или Лев Додин используют их деревенские произведения для своих гордых эстетических целей и общечеловеческих идеологических задач.

Впрочем, и среди, казалось бы, «своих» высказывались похвалы писателю сомнительного нравственного толка. Так, Н. Крылова щедро определила беловскую повесть «Привычное дело» в «золотой фонд русской словесности» на том основании, что содержит она смелый и выстраданный «диагноз российской национальной болезни, имя которой - непреодоленный комплекс рабства». Нанизывая свои выводы на стержень «обличительного пафоса» произведения, критики договаривались до того, что в «подтексте повести открывается геноцид, ставший «привычным делом». В общем, Василию Белову нагло навязывался либеральный критицизм, не имеющий меры в осуждении своей страны. Белова они помещали в разряд писателей-классиков, «показавших наготу России». Удивляет дубинноголовое и навязчивое понимание с кривыми целями, - эти приписывания русскому писателю не естественных, не сродных для него задач: сыну (писателю Белову) априори невозможно показать наготу матери - России. Критики повторили древний, ветхозаветный «сюжет» (несмотря на весь материализм своего личного сознания), - сюжет о Хаме, увидевшем наготу отца своего; о Хаме, тем самым (видением, смотрением) положившем начало апостасии, первый этап которой - утрата сыновства...

Да что там говорить о других критиках, когда в самой Вологде вышла книга «Вологодские пенаты, или Пятая Вологда» (2008), где некий Анджей Дравич (Польша), приезжавший в Вологду, вменяет В. И. Белову падение «в примитивную «глубинкоманию», в антиурбанизм

**Белов восстал против того, чтобы
русская народная культура
и национальное мироощущение
были сведены к позитивистски-
утилитарным и лжерелигиозным
задачам (построения «райя
земного» сначала в СССР,
а потом и во всей Вселенной).**

и болезненный национализм» (С.32). Как говорится, приятно «поднять ножку» и отметить рядом с классиком - Беловым. Трудно не вспомнить «европейничанье», о котором так глубоко писал Данилевский (тоже имеющий непосредственное отношение к Вологде), когда на русскую жизнь и культуру смотрят сквозь «европейские очки» («рассудку вопреки, наперекор стихиям»), и это как-то особенно заметно в культурной жизни Вологды последних лет. Как, например, отдающее тщеславным и мелким провинциализмом стремление к модным трендам - «фестивалям европейского кино»... Впрочем, противники деревенской литературы, не желая того, еще и еще раз подтвердили верность направления, давно выбранного русским писателем Василием Беловым, совершенно не обязанным нравиться посетившему Вологду за русский, видимо, счет, исторически неблагодарному поляку...

Но что же такого существенного делали они, «деревенщики», где Белов был и остается фигурой центральной? Да, собственно, одно - преодолевали духовное рабство русского человека, которое всегда неумолимо возникает при всяком разрыве настоящего с прошлым. И надо прямо сказать, что в 60-80-е годы XX века это преодоление шло с колossalным воодушевлением. Книги Василия Белова и других писателей издавались грандиозными тиражами, жадно впитывались не только интеллигенцией, но и читающим народом. Он, с товарищами, вернул литературе национальное изменение, которое критики-законники по-

лагали («в плане когнитивном, познавательном») всего лишь неким движением в сторону от монистической и довлеющей «соцреалистической мифологии» к «мифологии почвы».

В веке XX - трагическом и трудном - эти мучительные разрывы с прошлым происходили дважды. В 1917-м и в 1991-м годах разделились русские и расцвела русская история. Тогда, в 1917-м, от настоящего с кровью отирали веру христианскую («опиум и пережиток прошлого»), а потом громили и пили кровушку дворянства и крестьянства. И это существо русских во ад Василий Белов отразил в трилогии «Час шестой», главном своем произведении.

Он писал эту трилогию долго - начал в 1972-м, как раз уже во времена сытые, а завершил в 1998-м, когда родина вновь была варварски и грубо оторвана от собственного прошлого, причем в прошлом всегда выбраковывалось лучшее и лучшие: после падения Российской империи - духовенство, офицерство, крестьянство; после распада империи советской - национальная интеллигенция и русский народ. Конечно, на этот философский вопрос «почему лучшее?» литература отвечает по-своему. Василий Белов, посвятив «Час шестой» драме коллектivизации, не мог быть ни в каком ином месте, кроме как со своими героями. Он писал трилогию изнутри крестьянского пространства (крестьянской природно-культурной ойкумены), а потому совершенно не был обязан видеть, что согнанные с земли крестьяне вложили свои силы в грандиозные стройки, в новый тип хозяйствования, который и дал возможность победить именно русскому мужику в невероятной по жестокости и размаху Второй мировой войне (это сделала Зоя Прокопьевна в талантливом романе «Своим чередом», и русской литературе его вполне достаточно).

«Кануны», «Год великого перелома (Хроника начала 30-х годов)», и книга третья «Час шестой (Хроника 1932 года)» не раз были представлены как «памятники» разоренному и замученному русско-

му крестьянству, как реквием крестьянской жизни и миру-ладу с его навсегда рухнувшей симфонией жизни - укладом, упорядоченностью, повторяемостью идеала и устойчивостью красоты. Мне кажется, что эпический размах повествования, панорамная всеохватность реальности (родовой, психологической, культурно-национальной, социальной, политической в том числе) романа «Час шестой» нам, нынешним, важна прежде всего как имеющая ценностный центр, каковым является для писателя национальный мир в его трагической борьбе с идеей «мировой революции», требующей обобщения человека до общечеловека; стирающей индивидуальное и особенное как несущественное и «тесное», как «ограду, пеленки, оболочку куколки, которые надо порвать» (по словам Н. Данилевского), чтобы выйти «из пут национальности... в сферу общечеловеческого». Это поразительно, но «деревенщики» и до сих пор, в ситуации второго за столетие разрыва времен, оказываются более содержательными для понимания национального мира, чем писатели новейшие и даже талантливейшие из них.

Исходной точкой для Василия Белова было художественное воссоздание той русской правды, что социальный мир, в который время втягивает человека, не может полностью совпадать с национальным миром человека, который изначальное и глубже укоренен в нем. За Беловым стояло реальное знание русской крестьянской жизни, воплощенное в его типических героях. Да, он понимал, что коллектivизация дала в будущем некий ощутимый результат, как и современная новейшая коллектivизация, заключающаяся в монополии больших колективных производств, вытеснивших крестьянские подворья, тоже способна накормить мир, согнав при этом человека с земли. Белов восстал против того, чтобы русская народная культура и национальное мироощущение были сведены к позитивистско- utilitarным и лжерелигиозным задачам (построения «рай земного» сначала в СССР, а потом

и во всей Вселенной). Иван Рогов, Павел Пачин-Рогов, дед Никита, мальчишка Сережка Рогов, Евграф Миронов и Данила Пачин, Вера (при всей плотной заселенности трилогии персонами реальными и вымыщленными) остаются в повествовании главными фигурами, в коих воплощается все самое чаемое автором, самое его сокровенное. Они - герой русского склада характера (с их нравственной стойкостью, бесконечной любовью к земле, с исконным трудолюбием, семейной ответственностью за род и народ). Белов как писатель крепок, по преимуществу, своими мужиками, но и женский светлый, теплый образ Веры Роговой, жены Павла Пачина-Рогова, чист и ясен, как был ясен образ пушкинской Татьяны. Впрочем, и Катерина из повести «Привычное дело» навсегда останется крестьянским идеалом русской женщины. Оказывается, идеалы крестьянский и дворянский не так уж далеко и разошлись.

Удивление и страх, говорит нам богословие, - это есть два орудия, помогающие стирать в человеке образ Божий, который и есть самая настоящая его защита. В тридцатые годы, о которых повествует Белов, первым оружием был страх, сегодня это удивление - мы удивляемся чужим культурным символам и прокалываем себе ноздри, уши, губы; мы удивляемся чужим модам и делаем «какой-то чудный выем» в самых неожиданных местах одежды. Мы удивляемся грязи под видом арт-феминизма, посягающего на устраниние пола как «сексуального класса» в неиссякающей борьбе за равноправие то кошельков, то полов. Но откровенные и прикровенные христоборцы в беловском романе не заставили испугаться тех, кто не утратил своего сыновства у Бога. Не утратил потому, что остался сыном своему отцу, как Павел Рогов - герой типический, герой с существенно-русским отношением к жизни (он даже и главного своего врага не погубит, когда тот будет в полной зависимости от его личной воли - русский ТАК побеждать брезгует!).

Павел Рогов и Игнатий Сопронов противостоят друг другу как два антагониста. Когда все вокруг рушится и меняется без всякой возможности увидеть перспективу, Павел начинает строить мельницу, являющуюся, безусловно, символом русского творческого упрямого дерзания (такие как он потом и полетят в космос). Мельница, перемалывающая зерно, читается в романе еще и как символ небесных устремлений человека. Белов настаивает на том, что это стремление «к небу» (к Богу) и есть важнейшее - сущность человека, дух которого принадлежит не «земле», но «небу». Игнатий Сопронов, напротив, энтузиаст разрушения русской жизни, станет тем, кто порушит и роговскую мельницу-мечту. Если Павел, как Иван или дед Никита, стоящий строго и просто в своей вере Богу, и даже мальчишка Сережка - даны писателем как личности, то их оппоненты как раз представляют собой вполне сплоченную бригаду «строителей коммунизма», скрепленную неким новым корпоративным духом изъятия, разъятия на части самой плоти русской крестьянской жизни. С языка так и слетает - строителей нового Вавилона (мирового коммунизма), что, собственно, и есть правда, горчайшая от того, что среди соблазнившихся были ведь не иноземцы, а тоже русские люди, отрекшиеся от сыновства, приобретшие братоубийственную кайнову печать и впавшие в грех почти религиозной веры в возможность обустройства земных дел как небесных.

Василий Белов не любит города. Он понимает и видит, как неизбежно это превращение деревенских - в городских. Иногда он подтрунивает над городскими порядками и нравами довольно мило, все равно всем сердцем переживая за своего деревенского героя (киноповесть «Целуются зори», «Воспитание по доктору Споку», «Чок-получок», «Плотницкие рассказы»). Иногда, напротив, громыхает словами и посыпает молнии гнева на горожан, как в романе «Всё впереди»,

Фото Леонида Старикова

где сама перспектива («впереди») звучит весьма саркастически. О, тут-то, при обращении к городским темам и героям, Василий Белов оказывался один перед литературной стаей критиков, получивших возможность отыграться сразу за все: за талант и национальную гордость великоросса. Естественно, «осваивать территорию города» (где были свои «избранные», как Рыбаков и Трифонов), лезть с «мужицким рылом» в городской калашный ряд было опасно. Белов тут же и получил: критики даже увидели, что у писателя «руки дрожат от злости» (?!), ну и роман «Всё впереди», естественно, был назван «антигородским» с «антиладом, антилюбовью, антигармонией» (Н. Иванова), а авторская позиция была ловко скомпрометирована тем, что носила якобы «черты мещанской расстерянности перед движением времени» (ну уж они-то, городские критики, никогда не теряются, сливааясь в экстазе с «движением времени»). Роман был назван образцом мещанской культуры (О. Кучкина). Собственно, много ума не надо, чтобы приписать Белову все эти «анти». Но вот обвинение в «мещанстве» было, конечно, вполне идеологическим, ставившим большого русского писателя, гордость национальной писательской школы в один ряд с какой-нибудь городской сплетницей, лузгающей семечки у подъезда и собирающей сплетни о тех, чей «высокий образ» жизни и мысли ей принципиально недоступен. Выди этот роман сегодня, назван он был бы иначе, много определеннее, ведь «типичный» Бриш и «нетипичный» Медведев - это не просто «герои того времени», но определяющие борьбу духа и злобы времени сейчас.

Теперь уже нет сомнения, что Василий Белов эту расплю, случившуюся в 1984 году, выиграл. По сути, для Белова город - это центр вавилонской цивилизации, где навсегда потеряна связь с землей, с трудом на земле, с возделыванием земли - хлебопашеством (между тем Господь дал господство над землею сынам Божиим). Таким образом, связь человека с землей

- это и его отношения с Богом, в которых земля есть нравственный спутник человека. Не будем спорить и доказывать, что город, мол, тоже под пером большого художника открылся нам с какой-то особой стороны. Ничего не открылся - Белов ничего особенно яркого и неизвестного о городе не написал, зато написал существенное. Город больше, чем деревня, привязывает человека к земному и суетному; в городе труднее любить Бога; городу как раз от человека и нужно, чтобы он «человека в себе преодолел», - тогда уж совсем его ничего не будет ограничивать на пути уподобления зверю. Естество вавилонской цивилизации иное, чем любит писатель, - естество называется глобализм и мировые общечеловеческие ценности, которые суть новое кольцо на теле старого змея - мировой революции соблазна. Но понять себя сами они, люди города, уже не могут - поскольку нет у них «центра тяжести», иссякла вера, нет богообщения, атрофировано мышление символическое и чувство этическое... Да, в такой картине есть некий вавилонско-городской «концентрат», но не он ли и содержит много правды? Правды взгляда не столько из дня сегодняшнего, сколько взгляда сверху - с позиций вечности. А поскольку в России весь ХХ век город всегда жил богаче, ярче и лукавее, чем деревня; сорил деньгами, проедал и пропивал без устали добываемое все той же «деревней», мобилизованной на стройки века, - то можно и понять оторопь, что берет писателя при виде «бесстрашной независимости» городского человека от всего отеческого, и его антипатию к городу, и его нескрываемое отрижение принципа пользы, извлекаемой человеками из человеков...

Крещенный в младенчестве в церкви деревни Артемовской, он, будто отдавая долг этой своей ранней и сокровенно-сохраняющей причастности Христу, проявит свое боголюбие еще и тем, что в возрасте шестидесяти лет начнет восстановление Никольской церкви вблизи от родной Тимонихи и приведет в божеский вид скромное сельское кладбище, где вечный покой обрели его мама и

бабушка. Смелый и прямолинейный в своих взглядах (русский богатырь ходит прямо, а Каин не выносит прямого взгляда). Василий Белов смог воплотить в своем творчестве то, что «больше ума», - «сверхумное», что наличествует в русской жизни и само по себе больше слова, не исчерпывается словом, но только через слова в речи, через некоторую заповедность их подбор и может найти путь в реальный мир для объяснения и предъявления себя. Я говорю о русском духе, который живет в книгах Василия Белова. Это, для многих нынче «исторически неоперабельное» «понятие», было и остается все же главным движителем и источником жизни на особынку.

Книга народной эстетики «Лад» птилась от сердечной глубины писателя, от живого в нем (наличного) народного духа, а потому и получилось выплыть эту «крестьянскую вселенную» (Ю. Селезнев) через обычай и традиции будней и праздников, через речи, песни и бухтины, через работу и в доме, и в поле, через строительство и ткачество, через обустройство дома и банные традиции. Крестьянская изба, ее убранство и утварь (красный угол, стол и лавки, фотографии родни по стенам) - в «Ладе» предстают совершенно одухотворенными и вековыми. Ну, а печь - центр избы. В ней выпекаются хлеба из круто замешанного теста, как замешивается (творится) жизнь рода. В «Ладе» крестьянской Русью пахнет каждая страница, и каждая буковка впряженна в этот большой нравственный национальный обоз.

Уже в первой своей книге «Деревня Бердяйка» Василий Белов показал цветастую, «неугомонную» жизнь, которая присуща русскому человеку как изначальная, «что бы ни творилось на земле». А на земле недавно «творилась» война - Великая и Отечественная. Из мужиков, взятых на фронт, в деревню Тимониху никто не вернулся. Военные рассказы русских писателей не могут не быть отдельной страницей в их творчестве. Здесь, в глубине народа, в крестьянстве, вновь обнаружился (и это после раскреп-

ствления!) главный ресурс одоления врага. И потопали крестьяне, в солдатских теперь сапогах, по полям да лесам, унося на войну и свои деревенские пейзажи, и дороги во ржи, и закатное солнце над речками, чтобы вновь свое, кровное, затвердить который раз как «священную матрицу» национальной жизни, как заповеданное и сохраненное предками. Россия деревенская в эту войну вновь выступила из-под гнета инструкции и директивы, чтобы на поле - теперь уже не хлебном, а поле брани - вновь вздохнуть свободно и показать всю жизнеспасительную крестьянскую силу, переходя от дела хлебопашеского к ратной брани.

Критики не раз говорили о том, что война в нашей литературе XX века, у лучших наших писателей сделала возможным показать всю «сердечную натуру» русского человека, превративших рассказ о войне в рассказ о русской душе. Собственно, Василий Белов в одном из первых своих рассказов тоже сразу же органически пристал к этому русскому родотворящему делу. Три крестьянских сына уйдут на Отечественную войну у главного героя и не вернутся (рассказ «Весна»). Родовая вертикаль сломлена, разорена врагом, обрублена. И не захочет он жить, и попытается прервать свою жизнь как не могущий видеть свой род не продленным, но и сам же устыдится страшно и горько этой своей слабости, увидит грех свой даже как некоторое свое предательство сынов, их ненапрасной смерти. «Нужно было жить, сеять хлеб и ходить по этой трудной земле, потому что другому некому было делать все это» - завершает автор повествование. Вот тут и обнаруживает себя вечная основа русского народа, умеющего превратить беду в источник творящий, поднимающий себя самого для нового, лучшего и надежного, качества бытия.

Что говорят нам о национальном духе наши философы и можем ли мы, в полноте доверяя им, увидеть то целое и то главное, чем крепятся к русской жизни беловские герои, в которых в наибольшей чистоте и глубине представлена русская суть?

Выше уже шла речь в связи с главной книгой Василия Белова «Час шестый» о соблазнительной силе утопии мировой революции и «царствия коммунистического рая», что строили его адепты на нашей земле. В статье о русском философе П. Е. Астафьеве (1846 - 1893) Николай Петрович Ильин раскрывает важную связь между утопией «царствия Божия на земле» и «той погибелью, которую несёт... этот соблазн», подчеркивая жирной чертой не только связь соблазна и погибели, но факт погибели именно для русского человека (что совсем не обязательно для иных народов). Утопия противоречит сути нашего национального характера, так как «наш народный дух не может считать религиозную задачу земною задачей, выполняемой устроением какой бы то ни было организации людей» (П. Астафьев). А «во-вторых, - цитирую Н. П. Ильина, - (и это, пожалуй, главное), каждая такая система создаётся особой «исторической культурной силой», которую Астафьев называет национальным духом. Только национальный дух сообщает общечеловеческим ценностям «объективную жизнеспособность»; они получают определенную форму, полноту и конкретность «только в том органическом строе, в котором они поставлены национальным духом». Национальный дух, отмечает Астафьев, как «историческая культурная сила» переживает периоды подъёма и упадка и может быть исчерпан или утрачен, в результате чего культурные начала обессиливаются, лишаются «значения живых мотивов дальнейшей духовной жизни», хотя и сохраняют значение «памятников культуры». Итак, национальная культура мертвa без национального духа, и потому нация является синонимом не столько национальной культуры (или национального государства и пр.), сколько именно национального духа, который созидает культуру как органическое целое».

Василий Белов смог в живых и полных образах показать нам борьбу мировой утопии с русским духом. Его герои с «народным сердцем» отказались уничтожить

небо ради земли. Он увидел в них самый главный источник восстания после падения - «огонь личного духа» (это уже слова Ивана Ильина). Увидел глубинно-прекрасную и сердечную связанность человека с тихой крестьянской родиной в Павле и деде Никите, в рыжем попе, ставшим мучеником за веру, в Вере Роговой и Иване Африкановиче, а также в реальных русских людях - Василии Шукшине и Валерии Гаврилине, о которых тоже написал книги-размышления. И сколько бы ни возводили новые адепты всяческих «мировых пожаров» на высокие этажи мироздания идею личности, независимую от служения идеалу, мы, имеющие в родовом литературном наследстве наших деревенщиков, можем повторить вслед за П. Е. Астафьевым: личность без духовного содержания превращается в особы, неотличимую от иного животного мира. Сердечный теплый человек русской литературы имел своим защитником и Василия Белова. В сердце его героев таинственно-нутряным и сложным образом сходились все пути и задачи. Земные и небесные. Родовые, государственные и лично-религиозные. Христианское сердце русской литературы бьется и в творчестве Василия Белова, героя которого, восстав из бед, унижений и горестей, так трудно и совестливо простили путь свой и к настоящей Истине, и к жизни для России.

«В языке народа записана его духовная биография», - говорит современный богослов Евгений Авдеенко. Свою лепту в эту духовную биографию народа внес и Василий Белов. Внес сердечное и вековое как хорды нашей русской жизни. Он показал (и тем укрепил нас), что душевное богатство русского человека, его сердечная теплота, искренность и отзывчивость, нравственная стойкость и добротолюбие, терпеливость и стыдливость, христолюбие и генетическое чувствование правды никуда не исчезают, но из любого истощенного состояния могут вновь возродиться и

разжиться. Мы, рабы цивилизации, живущие в мире пластика и генетически модифицированных организмов, получили от нашей деревенской литературы незаметную, но и незаменимую милостыню - она связала нас с нашей землей, восстановила в правах чувствование родины во всей ее тайной и тихой красоте, во всей ее исторической протяженности и земляной углубленности. И ценность ее будет только возрастать, как растет ценность деревянных строений, потому что они - натуральный, соразмерный человеку, удел.

И еще... еще деревенщики научили нас преодолевать дух Каина жалостью и пониманием.

Я была на родине Василия Ивановича

Белова - в вологодской Тимонихе, известной всему читающему миру, как толстовская Ясная Поляна, как тургеневское Спасское-Лутовиново... В его деревенском доме хранится тот самый лад, который ждет прикосновения рук человеческих, чтобы замесить тут снова жизнь. Стоит целехонька русская печь, строгий и печальный Бог смотрит из красного угла, а лавки, столы, горшки и кринки помнят еще материнские руки... Ушел большой крестьянский мир в прошлое, но печаль моя светла. Василий Белов успел перенести его в книги. А еще мне кажется, что побегут горожане обратно на землю, исцеляясь и спасаясь от мук цивилизации.

**Капитолина КОКШЕНЕВА,
доктор филологических наук**

Белов и его товарищи Распутин, Носов, Крупин, Шукшин заставили понять, что крестьянин - хранитель традиций русского народа, причем это не музейный смотритель, вся забота которого - пыль вытирать с никому не нужного исторического барахла. Вспомним, что крестьянин - это просторечное «христианин», и станет ясно не только почему так важно хранение крестьянских - христианских - традиций и основ бытия, но и почему эта попытка вызывает ожесточенные нападки.

Кстати, Василий Белов был подвергнут им сразу после смерти - потому что именно кончина крестьянского заступника вызвала множество откликов не только о личности и личных заслугах писателя, но и о том, что он считал главным в жизни - не только своей, но и всего русского народа. Вслед за первыми сообщениями о кончине Василия Ивановича появляется информация - вначале скромная - что болезнь писателя значительно прогрессировала после разгрома в Тимонихе храма, восстановленного Василием Ивановичем. И тут же - как по команде (как?) - эта фантастическая история тиражируется. Распространяется... Охают и ахают - вот вам богоносцы. Вот вам землячки. Им помогай, помогай, а они вот как - реликвии вынесли... Слава Богу, нашлись люди, во все услышание заявившие: клевета! Редактор харовской районной газеты «Призыв» Юрий Шорохов сказал корреспонденту «Комомольской правды»:

- Вся эта история, которую смакуют СМИ, скорее всего, газетная утка. Попытка высосать сенсацию из пальца. Белов для жителей - авторитет, он прославил нашу землю, поэтому из местных красть иконы никто бы не стал.

Протоиерей Анатолий Савчук, благочинный Харовского округа, не может не знать, что происходит в храме, куда он регулярно приезжает совершать богослужения.

- Не было никакого разгрома! - говорит отец Анатолий. - И не могло быть, мы всю утварь на зиму убираем, богослужения совершаются только в теплое время года - храм не отапливается. Было проникновение в храм, но еще в 2006 году... И тогда разгрома не было: взломали замок, походили... Собственно, вынести оттуда и нечего - иконы там только бумажные. Остатки фресок не оторвешь со стены... Есть и документ, подписанный заместителем начальника муниципального отдела Министерства внутренних дел «Харовский» подполковником А.Г. Шаховым: «...За 2011 год заявлений и сообщений в МО МВД России «Харовский» по факту кражи из Сохтинской церкви, расположенной в Харовском районе, д. Тимониха, не поступало».

Война идет, и Василий Иванович будет в ней участвовать еще долго.